

Участие Англии в японских исследованиях в Центральной Азии. Роль А.О. Хоббса в третьей экспедиции Отани

Имре Галамбош

История Шелкового пути складывается в единое последовательное повествование из рассказов великих исследователей и ученых, которые собрали великолепные коллекции, ныне хранящиеся в ведущих музеях и библиотеках мира. Многие из этих исследователей, такие как С.Ф. Ольденбург, Свен Гедин и Марк Аурил Стейн, в свое время были в центре всеобщего внимания, и их имена до сих пор хорошо известны. Но мы часто забываем, что эти прославленные исследователи никогда не работали в одиночку, что у них было много помощников, в большинстве своем представителей местного населения, которые трудились под их руководством, путешествовали по тем же местам и видели то же самое, что и они.

Среди «актеров второго плана», которые в начале XX в. внесли свой вклад в исследование Шелкового пути, особое место занимает А.О. Хоббс (1892—1911). Британский подданный, он сопровождал буддийского наставника из Японии Татибану Дзуйтё во время его амбициозной экспедиции в Восточный Туркестан и содействовал пополнению японских центральноазиатских коллекций¹. Эта экспедиция была предпринята при поддержке Отани Кодзуи, двадцать второго главы направления Ниси Хонгандзи, относящегося к школе «Чистой Земли», и изначально задумывалась как религиозная миссия с целью изучения памятников буддийской культуры в Восточном Туркестане. Во время путешествия Хоббс заразился оспой и умер в Куче в возрасте девятнадцати лет.

В нашей статье мы рассмотрим роль Хоббса в этой экспедиции и попытаемся выяснить, почему Отани нанял этого молодого англичанина, не имевшего ни опыта, ни достаточной квалификации, для участия в столь опасном путешествии.

¹ Следует уточнить, что в настоящее время этот материал, наряду с остальными коллекциями Отани, распределен, по крайней мере, между тремя странами, а именно: Китаем (Музей Люйшунь, Национальная библиотека Китая), Кореей (Национальный музей Кореи) и Японией (Библиотека университета Рюкоку, Национальный музей Киото, Национальный музей Токио, Музей каллиграфии Накамуры и т. д.). Часть материалов утрачена.

An English Participant in the Japanese Exploration of Central Asia. The Role of A.O. Hobbs in the Third Otani Expedition

Imre Galambos

The history of the exploration of the Silk Road is pieced together into a narrative from the stories of great explorers and scholars who acquired magnificent collections, today housed in leading museums and libraries worldwide. Many of these explorers, like Sergei Oldenburg, Sven Hedin and Marc Aurel Stein, were at the center of public attention at the time and their names are still well known today. However, we tend to forget that these great personalities never worked alone but had many, mostly locally hired, assistants who worked under their supervision, travelling through the same distances and seeing the same things as their employers.

Among the “supporting actors” who contributed to the exploration of the Silk Road early in the 20th century, A.O. Hobbs (1892—1911) stands out as a special case. Albeit a British citizen, he accompanied Tachibana Zuicho, a Buddhist priest from Japan, on an ambitious expedition to Chinese Turkestan and thus contributed to further growth of Japanese collections.¹ The project was carried out under the auspices of Otani Kozui, the 22nd Abbot of the Nishi Honganji branch of the Japanese Pure Land sect, and was intended to be a religious mission with the objective of exploring the Buddhist sites of the region. During the journey, Hobbs contracted smallpox and died in Kucha at the age of nineteen.

In this paper, I am interested in Hobbs’s role in the expedition, more specifically, why did Otani employ a young Englishman with no qualifications or experience for a dangerous exploration.

Hobbs’s participation in the expeditions came completely unexpectedly; he was hired through a newspaper advertisement and shortly after that sent along with Tachibana to Central Asia. He spoke neither Russian, nor Chinese or any of the Turkic dialects, he had not been recommended by anyone. In short, he was completely unfit and unprepared for the task. On the other

¹ To be exact, this material, along with the rest of the Otani collection, is now scattered between at least three countries, namely, China (Lüshun Museum, National Library of China), Korea (Korean National Museum) and Japan (Ryukoku University Library, Kyoto National Museum, Tokyo National Museum, Nakamura Museum of Calligraphy, etc.). Some of the material is missing.

А.О. Хоббс попал в экспедицию совершенно случайно. Его наняли по объявлению в газете и вскоре направили вместе с Татибаной в Центральную Азию. Он не говорил ни по-русски, ни по-китайски, ни на каком из тюркских диалектов, не имел никаких рекомендаций. Он абсолютно не соответствовал требованиям, предъявляемым к предстоящей работе, и не был подготовлен к ней. Следует отметить, что в то же время в Лондоне находилось несколько последователей Отани, и любой из них лучше подходил для такого путешествия.

Мы полагаем, что Хоббс был нанят из политических соображений, в частности, из-за растущих подозрений британских властей относительно истинных мотивов японских исследователей на территории Синьцзяна. В результате блестящей победы в русско-японской войне 1904—1905 гг. Япония превратилась в сильную азиатскую державу, и как русские, так и британские власти весьма подозрительно относились к японским подданным, путешествовавшим по политически чувствительным регионам. Во время экспедиции 1908—1909 гг. Татибана и Номура Эйзабуро находились под пристальным вниманием британских разведывательных служб, вызывая у них большие подозрения. Поэтому, когда Номура попытался вернуться в Синьцзян через Индию и пересечь британскую границу, власти Индии не выдали ему разрешения. Без сомнения, Отани прекрасно понимал причины отказа. Стремясь продолжать исследование Западного Китая, он должен был сделать свое предприятие менее подозрительным в глазах британских властей. В результате, вместо того чтобы послать экспедицию в составе трех буддийских наставников, как это планировалось изначально, он предпочел послать лишь одного молодого монаха, Татибану, в сопровождении еще более юного англичанина. Ценность Хоббса заключалась не в его квалификации, а в том, что он был англичанином; его роль сводилась к тому, чтобы экспедиция стала интернациональной и, следовательно, выглядела как можно менее «японской».

Жизнь А.О. Хоббса — сплошная загадка. Даже его полное имя остается для нас неизвестным. Он не получил никакого специального образования и оказался вовлеченным в рискованную деятельность, связанную с исследовательскими экспедициями, откликнувшись на объявление о работе в одной из лондонских газет. Было бы заманчиво выяснить, какие требования предъявлялись к тем, кого нанимали для путешествия в один из самых удаленных уголков мира². Удивительно, что исполнителя столь опасного задания подыскивали таким образом, не требуя никаких рекомендаций. Тем не менее, Отани нанял Хоббса в качестве помощника Татибаны для предстоящей экспедиции, которая вошла в историю как третья экспедиция Отани.

hand at the time of their departure several of Otani's followers were also in London and any of them would have been a better choice for such a journey.

My contention is that Hobbs was hired for political reasons specifically in response to the British authorities' growing suspicion regarding the true motives of Japanese explorers in Xinjiang. Following its glamorous victory in the Russo-Japanese War of 1904—05, Japan emerged as a major power in Asia and both Russian and British authorities were exceedingly cautious with regard to Japanese nationals travelling in politically sensitive regions. During their 1908—09 trip Tachibana and Nomura Eizaburo were observed by the British intelligence network with increasing suspicion and when Nomura decided to re-enter Xinjiang via India and attempted to cross its frontier, the British India's Government rejected his application. No doubt, the reasons behind the rejection were eventually known to Otani and if he wanted to continue with his plans of exploring Western China, he had to face the problem and come up with a way of making his enterprise less suspicious in the eyes of the British authorities. Therefore, instead of sending a team of three Buddhist priests, as originally planned, he opted for sending only the very young Tachibana, accompanied by an even younger Englishman. Hobbs's qualifications seem to have

² К сожалению, нам не удалось разыскать это объявление.

*Слева направо сидят: Кудзё (Отани) Такэко, Свен Гедин, Отани Кадзую, Отани Кодзую, Отани Киную.
Третий слева во втором ряду – Номура Эйзабуро*

*Sitting from left to right: Kujo (Otani) Takeko, Sven Hedin, Otani Kazuko, Otani Kozui, Otani Kinuko.
Standing the 3rd from left – Nomura Eizaburo*

В своей первой экспедиции 1902—1904 гг. Отани участвовал лично в сопровождении небольшой группы преданных последователей. Два года Отани провел в Лондоне, изучая западные религии. Он глубоко заинтересовался результатами археологических открытий, сделанных европейскими исследователями в Центральной Азии. Он лично встречался с некоторыми из самых выдающихся исследователей того времени, в первую очередь с Аурелом Стейном и Свенем Гедином. Их достижения произвели на него столь большое впечатление, что накануне возвращения домой в 1902 г. он решил предпринять путешествие через Центральную Азию, чтобы исследовать буддийские древности в бас-

consisted simply of being English, and his role was to internationalize the enterprise and thus make it as non-Japanese as possible.

The life of A.O. Hobbs is almost a complete mystery. Even his full name remains unknown to us. He had no academic background and was drawn into the thrilling business of exploration by responding to a classified advertisement in a London newspaper. It would be fascinating to see what sorts of requirements or qualifications were expected of someone to travel to one of the remotest parts of the world.² It is also surprising that

² Unfortunately I have not been able to track down the original advertisement.

сейне реки Тарим. Будучи не только практикующим буддистом, но также и ученым-буддологом, Отани чувствовал себя во многих вопросах более компетентным, чем европейцы, которые в основном интересовались географией и приобретением предметов древности. Его личное участие в этом путешествии было вскоре прервано известием о смерти отца. Отани немедленно вернулся в Киото, оставив своих последователей завершать работу. Заняв место своего отца как главы школы, он организовал и финансировал еще две экспедиции в этот регион, хотя не смог лично принять в них участие.

Вторая экспедиция состоялась в 1908—1909 гг. и ее членами были только два человека из храма Ниси Хонгандзи. Это были девятнадцатилетний буддийский наставник Татибана Дзуйтё (глава экспедиции) и Номура Эйзабуро, который был не намного старше своего начальника. Это было первое путешествие Татибаны, и оно сделало его известным. Он обнаружил ряд важных рукописей, среди которых было письмо из Лоулани, относящееся к началу IV в., написанное Ли Бо, главным правителем Западных районов. После окончания работы эти два исследователя пересекли Каракорум, чтобы попасть в Индию и присоединиться к Отани, который прибыл в Индию из Японии. После того как Татибана провел несколько недель в Калькутте, работая над своими путевыми заметками и изучая уйгурские рукописи вместе с Денисоном Россом, главой Калькуттского университета, он отбыл в Европу вместе с Отани. В свиту входили также жена Отани Кадзуко, его сестра Такэко и несколько последователей, включая Аоки Бункё, Ватанабэ Тэссин и Хасирамото Дзуйсюн. Татибана провел в Лондоне несколько месяцев, прежде чем в августе 1910 г. отправился в Синьцзян вместе с недавно нанятым Хоббсом.

Но кто был этот загадочный англичанин, который путешествовал по Туркестану и занимался раскопками вместе с Татибаной? Питер Хопкирк, автор популярной книги «Заморские черти на Шелковом пути», явно желая представить японских исследователей шпионами, собрал все, что смог обнаружить о нем среди политических и секретных документов библиотеки Департамента по делам Индии, которые содержали отчеты и дневники Джорджа Макартни, генерального консула Великобритании в Кашгаре³.

Хопкирк пишет: «Тринадцатого января 1911 г. Макартни получил две телеграммы из города Кучи, что находится приблизительно в четырехстах милях к востоку. Одна, на китайском языке, была от его аксакала, который информировал о том, что английский путешественник А.О. Хоббс заболел оспой. Вторая — отчаянная мольба о помощи — была от самого Хоббса, который, казалось, не подозревал о том, что заболел оспой. В телеграмме он мрачно описывал симптомы

such a person was to be sought in this manner rather than through a recommendation. Nevertheless, Hobbs was hired by Otani as an assistant to Tachibana on his upcoming expedition which came to be known as the Third Otani expedition.

The first expedition of 1902—04 was carried out by Otani himself, accompanied by a handful of his devoted followers. During the two years Otani spent in London learning about Western religions, he became deeply interested in the results of the archaeological discoveries of European explorers of Central Asia. He personally met some of the biggest names of the time, most notably Aurel Stein and Sven Hedin, and was so inspired by their accomplishments that when he was about to return home in 1902, he decided to take the overland route through Central Asia and explore the Buddhist ruins of the Tarim Basin. As a practicing devotee and a trained scholar of Buddhism, he felt that in many ways he would be more competent in doing so than Westerners whose main concerns were geography and the acquisition of antiques. His own participation in this trip was cut short by the death of his father, following which he immediately returned to Kyoto, leaving his followers behind to continue their work without him. Once he succeeded his father as the head of his sect, he organized and financed two more expeditions into the same region, although did not participate in them personally.

The second expedition was carried out in 1908—09 by only two men from the Nishi Honganji Temple, the nineteen-year old Buddhist priest Tachibana Zuicho as the leader and the slightly older Nomura Eizaburo. This was Tachibana's first trip, which brought him fame. He discovered a number of important manuscripts, among them an early 4th-century letter from Loulan, written by Li Bo, the Chief Aide Administrator of the Western Regions. Upon completion of work the two explorers crossed the Karakorum pass into India to join Otani, who had arrived in India from Japan. After spending several weeks in Calcutta, working on his travel notes and studying Uighur manuscripts with Denison Ross, the Principal of the Calcutta Madrasa, Tachibana accompanied Otani to Europe. Along went also Otani's wife Kazuko, sister Takeko and several followers, including Aoki Bunkyo, Watanabe Tesshin and Hashiramoto Zuishun. Tachibana spent several months in London, before leaving for Xinjiang with the newly hired Hobbs in August of 1910.

But who was this mysterious Englishman who travelled and excavated with Tachibana in Turkestan? Peter Hopkirk, in his popular book *Foreign Devils on the Silk Road*, with a decided preference to portray the Japanese explorers as spies, summarized what he could find about him in the Political and Secret Files of the India Office Library, which contained the reports and diaries of George Macartney, the British Consul-General at Kashgar.³ Hopkirk reports: "On January 13, 1911, Macartney

³ Макартни был официально назначен генеральным консулом как раз в то время, когда в Кашгаре состоялись похороны Хоббса.

³ Macartney was promoted to the rank of Consul-General just about the time of Hobbs was buried in Kashgar.

болезни: «Я страдаю от болезни кожи, которая поразила все органы, я могу открыть глаза только на несколько минут... я чувствую себя так вот уже в течение десяти дней, и я не встаю с постели». Ни эта телеграмма, ни телеграмма от аксакала не давала Макартни, который весьма гордился тем, что знает о передвижениях всех и каждого в Китайском Туркестане, никаких сведений о том, кем был этот человек и чем он занимался один в столь отдаленном месте. После того, как Макартни отправил в Кучу своего врача-индуса, он сообщил Хоббсу, что помощь находится в пути. Но шестнадцатого января он получил от *дингуаня* (китайского сановника) из Кучи телеграмму, в которой говорилось, что накануне вечером Хоббс скончался»⁴.

В заключение Хопкирк описывает, как Макартни организовал доставку тела Хоббса в Кашгар, которая заняла около трех месяцев. Татибана, узнав, какая трагическая судьба постигла его спутника в Куче, немедленно отправился в Кашгар и едва успел на похороны. Рассказ Хопкирка подытоживает все то, что было известно Макартни и британским властям о Хоббсе. Отдельные факты и разрозненная информация, обнаруженная в основном в японских источниках, проливают больший свет на историю его жизни.

Естественно, главным источником сведений был сам Татибана, который рассказывал об экспедиции и публиковал отчеты о ней. Из этих отчетов мы можем восстановить подробности экспедиции, связанные с Хоббсом. Для уменьшения транспортных расходов экспедиции Татибана решил отправить снаряжение морем из Лондона в Санкт-Петербург и поручил своему новому работнику сопровождать багаж. Хоббс отплыл двумя днями раньше, чтобы проследить за багажом, состоявшим из двадцати мест и содержащим множество научных приспособлений и другое экспедиционное имущество. Татибана отправился из Лондона 16 августа 1910 г., заехал сначала в Берлин, а затем прибыл в Санкт-Петербург⁵. В течение недели со все усиливавшимся волнением он ожидал своего помощника с багажом.

Русская таможенная служба обратила внимание на багаж экспедиции, и Татибана вынужден был обратиться в Посольство Японии за помощью. В конце концов каждое место багажа было тщательно взвешено и опечатано работниками таможни с условием, что багаж не может быть вскрыт на территории России, и что он должен быть вывезен

received two telegrams from Kucha, some four hundred miles to the east. One, in Chinese, was from the British *aksakal* there informing him that a British traveller, a Mr A.O. Hobbs, had been struck down by smallpox. The second, a desperate plea for help, was from Hobbs himself who appears to have been unaware that it was smallpox that he was suffering from. In his telegram he grimly spelled out the symptoms. 'I am suffering from skin disease which has affected all organs. I can only keep my eyes open for a few minutes at a time... For ten days I have been like this and I have not left my bed.' Neither this telegram nor the *aksakal*'s offered Macartney (who prided himself on knowing everybody's movements in Chinese Turkestan) a clue as to who this man was or what he was doing all by himself in this remote spot. After dispatching his Indian medical assistant to Kucha, Macartney signaled to Hobbs to say that help was on its way. But on January 16 he received a telegram from the *Ting-kuan* (senior Chinese official) of Kucha informing him that Hobbs had died the previous evening."⁴

Hopkirk concluded the story describing how Macartney made arrangements for moving Hobbs's body to Kashgar. The transfer of the body took almost three months and Tachibana, having discovered his companion's ill fate in Kucha, raced to Kashgar just in time for the burial. Hopkirk's narrative sums up what was known to Macartney and the British authorities of Hobbs. Bits and pieces of information found in mainly Japanese sources provide some additional insight into his life.

Naturally, the main source is Tachibana himself, who has talked and published about the expedition. From his accounts we can reconstruct the general details of the expedition with regards to Hobbs. In order to reduce the transportation fees of the expedition, Tachibana decided to ship their gear from London to St. Petersburg by sea and instructed his newly hired employee to accompany the luggage. Thus Hobbs left by boat two days ahead, overseeing their twenty pieces of heavy luggage which contained a host of scientific instruments and other expedition gear. Tachibana left London on 16 August 1910, going first to Berlin and then to St. Petersburg.⁵ Arriving there first, he waited amidst growing anxiety for another week until Hobbs and the luggage arrived.

⁴ Hopkirk P. *Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Treasures of Central Asia*, Oxford, 2001, pp. 203–204.

⁵ В Берлине он посетил Альберта фон Лекока. В письме от 23 августа 1910 г. Денисону Россу в Калькутту Лекок написал о визите Татибаны и о своем удивлении по поводу его небольшого роста (Ross, D. *Both Ends of the Candle: The Autobiography of Sir E. Denison Ross*, London, 1943, p. 107).

⁴ Hopkirk, P. *Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Treasures of Central Asia*, Oxford, 2001, pp. 203–204.

⁵ At Berlin, he visited Albert von Le Coq. Le Coq wrote about Tachibana's visit and his surprise at the latter's small stature in a letter (dated August 23, 1910) to Denison Ross in Calcutta. (Ross, D. *Both Ends of the Candle: The Autobiography of Sir E. Denison Ross*, London, 1943, p. 107.)

из страны в течение шести месяцев. Находясь в Санкт-Петербурге, Татибана также решил нанять русского молодого человека в качестве переводчика. С помощью владельца японского магазина «Токио», расположенного на Невском проспекте, дом 57, он нашел русского семнадцатилетнего юношу за ежемесячное жалование около 170 иен и оплату всех дорожных издержек.

Для того чтобы посмотреть страну и сэкономить деньги, Татибана решил воспользоваться обычным железнодорожным вагоном, а не международным экспрессом. Он писал, что это путешествие семнадцатилетнего русского юноши, восемнадцатилетнего помощника-англичанина и их двадцатилетнего японского хозяина со стороны выглядело как поездка трех школяров. Люди удивлялись, узнав, что они собираются в экспедицию в пустыни Центральной Азии. Сам Татибана был небольшого роста (157 см) и очень худым, он выглядел значительно моложе своих лет⁶. Он опасался, что если бы он нанял взрослого переводчика, то тот, вероятно, не стал бы подчиняться ему, а стал бы критиковать его или давать советы, что привело бы к нарушению должных отношений между работником и нанимателем. Однако он слишком поздно понял, что их «переводчик» говорит только по-русски и не может общаться ни с Татибаной, ни с Хоббсом, которые по-русски не знали ни слова. В результате, после нескольких неудачных попыток использовать переводчика во время пути, Татибана в Семипалатинске уволил юношу. После этого он попытался найти русского переводчика, который говорил бы по-китайски и по-английски, но после бесполезных поисков ему пришлось воспользоваться услугами «потрепанного вида киргиза», который немного знал китайский язык — это было лучшее, что он смог сделать.

Не стоит и упоминать, что этот киргиз не говорил ни по-английски, ни по-японски, и таким образом его роль как переводчика была сомнительна. Татибана мог немного говорить по-китайски и по-уйгурски — на самых распространенных в Синьцзяне языках, так что вряд ли ему был нужен русский переводчик. Этот факт говорит о том, что попытки Татибаны нанять русского переводчика, возможно, были следствием инструкций Отани, который намеревался подчеркнуть неазиатский характер экспедиции, чтобы уменьшить недоверие британских властей. Их новый переводчик-киргиз, однако, в большей степени считался почти местным жителем в Синьцзяне и таким образом не подходил для этой роли, так что о нем нигде не упоминалось как о члене экспе-

At this point, Russian customs officials became interested in the luggage and Tachibana had to turn to the Japanese Embassy for assistance. Eventually, each piece of luggage was carefully weighed and sealed by customs officers, with the understanding that it may not be opened within Russia and that it must leave the country within six months. While in St. Petersburg, Tachibana also decided to hire a young Russian to act as an interpreter. With the help of the owner of a Japanese shop called “Tokyo” located at 57 Nevsky Prospect, he managed to find a seventeen-year old Russian boy for the monthly salary of about 170 yen and round-trip travel expenses.

In order to see the country and to save money, Tachibana decided to travel on local trains, rather than taking the international express. He described that travelling on the local train, the seventeen-year old Russian boy, the eighteen-year old English assistant, and their twenty-year old Japanese employer appeared to outside observers as three kids on a school trip. People were surprised to hear that they were to go on an expedition into the deserts of Central Asia. Tachibana himself was short (157 cm) and very thin, giving an appearance much younger than his actual age.⁶ He was concerned that if he had hired an adult interpreter, the man would probably have not listened to him properly but would have criticized and tried to advise him, thus confusing the roles of employer and employee. However, he realized too late that their “interpreter” spoke only Russian and although he understood everything the Russians said to them, he had no means of communicating with Tachibana or Hobbs, neither of whom spoke a word of Russian. Eventually, after several frustrating experiences along the way, Tachibana dismissed the boy at Semipalatinsk. After this, he tried to find a Russian interpreter who spoke both Chinese and English but after frustrating searches the best he could do was to employ a ‘shabby-looking Kyrghyz’ with a limited knowledge of Chinese.

Needless to say, the Kyrghyz spoke neither English nor Japanese, thus his role as an interpreter was also questionable. Tachibana could speak some Chinese and Uighur so he would not really need a Russian interpreter in Xinjiang where these were the two major languages. This is one indication that Tachibana’s efforts to hire a Russian interpreter must have been based on Otani’s instructions, intending to emphasize the non-Japanese nature of the expedition in an attempt to alleviate the mistrust of the British authorities. Their new Kyrghyz interpreter, however, to a large extent was considered local in Xinjiang and thus did not seem to have served this role, as he is never

⁶ Многие, знавшие Татибану, отмечали его молодежавый вид. Например, капитан Шаттлворт, британский представитель в Кашгаре во время путешествия Татибаны в 1908—1909 гг., так описал путешественника: «Тасибана (sic) выглядит приблизительно на пятнадцать лет» (Британская библиотека, библиотека Департамента по делам Индии, L/P&S/IO/55/240).

⁶ Tachibana’s youthful appearance was often noted by outsiders. For example, during Tachibana’s 1908–09 trip, Captain Shuttleworth, the British representative at Kashgar during Tachibana’s 1908–09 trip, described him the following way, “Tashibana (sic) looks about fifteen years old.” (The British Library, India Office Records, L/P&S/IO/55/240).

диции — ни в отчетах самого Татибаны, ни в донесениях британской разведки.

Из Семипалатинска они направились на китайскую территорию, в Тарбагатай, и для них снова начались испытания ожиданием багажа, который они заранее отправили с караваном. Через пятнадцать дней они получили известие от китайских таможенников, что их снаряжение прибыло. Хоббс в тот момент был верхом; он был так обрадован, что пустил свою лошадь в галоп, но тут же вылетел из седла, так как не имел опыта верховой езды. К счастью, он ничего себе не повредил, хотя сильно испугался. Немного погодя местный житель привел убежавшую лошадь.

Татибана и Хоббс, как правило, ехали впереди, багаж везли следом на лошадях люди из местных. Обычно они добирались до постоялого двора задолго до прибытия сопровождающих. Лондонец Хоббс оказался совершенно не подготовлен к той грязи, которую они видели в местных гостиницах. Без света, а иногда даже и без циновки, прямо на полу, они, изможденные дорогой, часто вынуждены были сидеть в комнате, ожидая багаж, в котором находились провизия и посуда. Татибана позднее вспоминал, как однажды, когда они так сидели, тупо глядя перед собой, Хоббс вдруг повернулся к нему и воскликнул: «Ну что это за условия? Такой, видимо, была жизнь в древности!». Но затем путешественники вновь поддавали очарованию первозданной красоты окружающего их пейзажа. Одним из наиболее приятных моментов во время путешествия была остановка в Урумчи, где они познакомились с датчанином Петерсоном, которого пекинское правительство направило организовать сеть почтовых учреждений, и преподобным Джорджем Хантером, известным английским миссионером.

В Урумчи они наняли себе в помощь местного киргиза и нескольких китайцев и продолжили путь в Турфан. Татибана очень кратко описал пребывание экспедиции в Турфане. Тем более удивителен отчет, написанный самим Хоббсом и опубликованный в Англии в выпуске «Lloyd's Weekly News» от 1 января. В нем Хоббс представлен, как человек родом из Суиндона (город в Великобритании, в графстве Уилтшир), который по приказу Татибаны руководил раскопками близ Турфана. Еженедельник цитирует его описание памятника: «До середины скалы стены и потолок были покрыты великолепно сохранившимися изображениями Будды»⁷.

Закончив раскопки возле Турфана, в начале декабря Татибана решил снова посетить Лоулань, где во время своего предыдущего путешествия он обнаружил ценные рукописи. Обеспокоенный как судьбой находок, добытых при

mentioned as being part of the expedition in Tachibana's own accounts or in British intelligence reports.

From Semipalatinsk, they crossed into Chinese territory to Tarbagatai and, once again, began their calvary with waiting for the luggage, which they had sent ahead of themselves by caravan. After fifteen days, they received a notice from the Chinese customs that their gear had arrived. Overjoyed by the news, Hobbs, who was on horseback at the time, tried to break into a gallop but, having had little equestrian experience, was thrown. Luckily, he suffered no other harm than a terrible fright, and a little later a local man brought back the runaway horse.

As a general principle, when on the road, Tachibana and Hobbs rode ahead of their luggage which was carried on horses by locals. Thus they usually arrived earlier at their accommodation. Coming from London, Hobbs was initially unaccustomed to the filth that awaited them in these inns. Without lights and sometimes even a carpet, they would often sit in the room fatigued and lethargic after a long day, waiting for the luggage which contained all their provisions and cooking utensils. Tachibana remembered that at one occasion, as they sat there gazing ahead absent-mindedly, Hobbs suddenly turned to him and exclaimed, "What kind of living conditions are these? This is what prehistoric life must have looked like!" Then again, at other times both travellers were amazed by the untouched beauty of the scenery along the way. One of the more pleasant moments of their journey was their stay in Urumqi where at a party they met the Danishman Peterson, sent by the Beijing government to organize the postal network, and Rev. George Hunter, the well-known English missionary.

In Urumqi, they hired a local Kyrghyz and a few Chinese helpers and moved on to Turfan. Although Tachibana's description of their stay in Turfan is very brief, surprisingly there is an account of their activity there by Hobbs himself, in a report that appeared back in England in the January 1 issue of the *Lloyd's Weekly News*. Here Hobbs is referred to as being from Swindon, and superintending excavations at the ruins near Turfan for Tachibana. He is quoted describing the ruins with the words, "Half way up the rock the walls and ceilings of the caves are covered with remarkably preserved paintings of Buddha."⁷

After having excavated near Turfan, in early December Tachibana decided to revisit Loulan where he had found important manuscripts during his earlier trip. Worried about both the spoils of the Turfan excavations and Hobbs's health, he decided to go alone, taking with him only the equipment necessary for the excavation in the desert. He sent the rest of the luggage

⁷ Цит. по: McKay J., *The Origin of the Xosas and Others*, Cape Town: J.C. Juta, 1911, p. 60. Я многократно просмотрел вышеупомянутый выпуск «Lloyd's Weekly News», но не смог обнаружить цитируемый оригинал. Так как книга МакКея вышла в 1911 г., эти слова являются самым первым отчетом об экспедиции.

⁷ These words are quoted in: McKay, J. *The Origin of the Xosas and Others*. Cape Town: J. C. Juta, 1911, p. 60. I have looked through and through the said issue of *Lloyd's Weekly News* but was not able to find the original source. Still, McKay's book dates to 1911 therefore this fragment represents the earliest report on the expedition.

раскопках в Турфане, так и здоровьем Хоббса, он решил отправиться туда один, взяв с собой только снаряжение, необходимое для раскопок в пустыне. Остальной багаж он отправил с Хоббсом далее на запад, в Кучу, где приказал ожидать его. Татибана описал их расставание очень эмоционально, не сомневаясь в тот момент, что они видятся в последний раз. Посылая Хоббса ждать его в большом городе, Татибана, по всей вероятности, пытался оградить своего юного компаньона от трудностей путешествия по пустыне. Возможно, к этому времени он уже понял, что для англичанина условия оказались слишком трудными, и он не мог путешествовать по пустыне. Татибана должен был утешить Хоббса, показав, что не вся Центральная Азия дикая и что в ней кое-где есть большие города, полные жизни и соединенные хорошими дорогами. Как он утверждал, Куча была именно одним из таких центров. Поэтому 2 декабря 1910 г. Хоббс со своим багажом в сопровождении слуги из местных отправился в Кучу⁸.

В течение последующих трех месяцев Татибана пересек пустыню Лоп, провел раскопки в Лоулани, посетил Миран и затем пересек пустыню Такла-Макан. После этого он поспешил в город Куча, на место встречи, назначенной еще в декабре. Он прибыл туда вечером 4 марта и узнал, что Хоббс умер от оспы, и что его тело по распоряжению Джорджа Макартни было отправлено в Кашгар.

Оспа в те времена не считалась необычной болезнью для Западного Китая. В заметках Стейна по физической антропологии упоминается, что многие местные жители перенесли это заболевание⁹. Во время путешествия Отани в 1899 г. по Китаю один из его спутников тоже скончался от оспы.

Хоббс заразился оспой, когда ждал Татибану, но его телеграммы, которые он посылал в Кашгар Макартни, говорят о том, что он до конца не осознавал серьезности положения, полагая все это время, что у него какое-то кожное заболевание. Хотя он умер в середине января, его тело было отправлено в Кашгар только в конце февраля, всего лишь за две недели до прибытия Татибаны.

В консульских записях Макартни, хранящихся среди политических и секретных документов в библиотеке Департамента по делам Индии, сказано об этом так: «1 марта. Прошлой ночью получена телеграмма от британского посланника из Пекина, в которой говорится о смерти господина Хоббса в Куче. Его сиятельство указывает, что китайское правительство уведомило его о том, что губернатор Нового доминиона выслал инструкции городским вла-

with Hobbs to Kucha further west, instructing him to wait there. Tachibana described their parting in highly emotional colours; no doubt because by that time he knew that this had been the last time they saw each other. By sending Hobbs to wait for him in a larger town, Tachibana was most likely trying to protect his younger companion from the hardships of the desert. Perhaps by that time he already realized that the Englishman was finding the terrain and conditions trying and would not be able to make the desert trip. Tachibana had had to console Hobbs by explaining that not all of Central Asia was like this and that elsewhere there were large towns full of life and connected by normal roads. Kucha was like this, he explained. Accordingly, on 2 December 1910, accompanied by a local servant, Hobbs left with their luggage bound for Kucha.⁸

During the following three months, Tachibana crossed the Lop desert, conducted excavations in Loulan, visited Miran and then crossed the Taklamakan desert. After this, he hurried to Kucha to make the appointment set back in December. He arrived there on the evening of 4 March and soon found out that Hobbs had died from smallpox and that his body, due to the arrangements made by George Macartney, the British Consul General, was already on its way to Kashgar.

Smallpox was not an unusual disease at the time in Western China. Stein's analyses of physical anthropology recorded quite a few locals who had suffered from it earlier in their lives.⁹ In fact, on Otani's 1899 journey through China one of his own followers died of smallpox.

Hobbs contracted the virus while waiting for Tachibana but his telegrams sent to Macartney in Kashgar show that he was completely unaware of the severity of the problem, all the while thinking that he had some sort of skin disease. Although he died in mid January, his body was not sent to Kashgar until late February, missing Tachibana by only a couple of weeks.

Macartney's consular diary kept among the Political and Secret Files of the India Office Library records the events from his point of view: "1st March. Received last night a telegram from the British Minister, Beijing, re death of Mr. Hobbs at Kucha. His Excellency said that he had been informed by the Chinese Government that the Governor of the New Dominion has instructed the Kucha Magistrate to act in accordance with my wishes."¹⁰

Another related document from March 1911 supplies a few additional details about Macartney's efforts to provide assistance to Hobbs: "Mr. Macartney reports the death at Kucha, on the 15th January, of an English traveller named

⁸ 榎一雄 Эноки Кадзуо. 橘瑞超氏の沙漠漫遊記 Татибана Дзуйтэ си но Сабаку манью ки (Записки о путешествиях в пустыне господина Татибаны Дзуйтэ), Сируку родо (Шелковый путь) 7, 1981, January, No 1, pp. 3–13.

⁹ Stein M.A. *Serindia: Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China*, Vol. 3. Oxford, 1921, pp. 1362–1365.

⁸ 榎一雄 Enoki Kazuo, 橘瑞超氏の沙漠漫遊記 "Tachibana Zuichō shi no Sabaku manyūki" (Notes on Tachibana Zuichō's travels in the desert) // Shiruku rōdo (*Silk Road*) 7, 1981, January, No 1, pp. 3–13.

⁹ Stein, M.A. *Serindia: Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China*. Vol. 3. Oxford, 1921, pp. 1362–1365.

стям Кучи, как надо действовать в соответствии с моими пожеланиями»¹⁰.

Другой документ, датируемый мартом 1911 г., содержит дополнительную информацию о попытках Макартни оказать помощь Хоббсу: «Господин Макартни докладывает о смерти английского путешественника по имени Хоббс 15 января в Куче. Получив известие о тяжелом состоянии господина Хоббса, господин Макартни выслал ему в помощь своего медика, но путешественник умер от оспы до того, как тот прибыл на место. Господин Макартни отдал распоряжение о похоронах и охране его имущества. Оказалось, что господин Хоббс был спутником японского путешественника Татибаны (sic)»¹¹.

Во время траура по своему другу Татибана внезапно оказался в круговороте множества административных дел. Он был вынужден вести переписку с китайскими властями, британским консулом в Кашгаре и японским посольством в Пекине. Ему также необходимо было позаботиться о багаже, а также отдать распоряжения относительно работников, которых он оставил в небольшом селении. Закончив все эти дела, он поспешил в Кашгар и прибыл туда спустя две недели. Он немедленно посетил Макартни и переговорил с ним относительно организации похорон¹². Похороны состоялись 21 марта 1911 г. по обычаю англиканской церкви. Среди присутствующих были Макартни и русский генеральный консул Соков. Но Татибана был не совсем последователен в описаниях событий. В своем отчете Отани он писал, что они состоялись в 15 час. 30 мин., что присутствовало множество разных людей¹³, в то время как в своей книге об экспедиции он сообщал, что похороны состоялись в 18 час. 30 мин., и что кроме него и консулов присутствовало еще два или три иностранца¹⁴.

Наряду с этим, краткая запись в дневнике Макартни дает точную информацию: «21 марта. Господин А.О. Хоббс, гроб с телом которого вчера прибыл из Кучи, был сегодня похоронен на кладбище Британского консульства, заупокойная молитва по обычаю англиканской церкви была прочитана мною и миссионером господином Ньюстромом, у могилы присутствовали господин Соков и его секретарь, господин Вальтер, господин Татибана и несколько шведов»¹⁵.

Mr. A.O. Hobbs. Mr. Macartney, on receiving news of Mr. Hobbs' serious condition, sent his Hospital Assistant to his assistance, but the traveller died from smallpox, before the arrival of the medical officer. Mr. Macartney made arrangements for the burial of the body, and for the care of the property. It appears that Mr. Hobbs was a companion to the Japanese traveller, Tashibana (sic)."¹¹

While mourning his friend, Tachibana suddenly found himself in the midst of a multitude of administrative duties, having to correspond with the Chinese authorities, the British Consul in Kashgar, and the Japanese Embassy in Beijing. He also needed to take care of the luggage, as well as giving instructions to a party of hired hands he had left behind in a small village. Having done all this, he rushed to Kashgar for the burial and arrived there in over two weeks. He immediately visited Macartney and spoke to him regarding the funeral arrangements.¹² The funeral took place on 21 March 1911, according to the rites of the Anglican Church. Among those present were Macartney and the Russian Consul-General Sokov. Tachibana is not entirely consistent in his accounts regarding the details of the funeral; in his report to Otani he wrote that it was held at 3:30 pm and there were dozens of other people,¹³ whereas in his book published about the expedition he claimed that it was held at 6:30 pm and apart from him and the consuls there were two or three other foreigners.¹⁴

Macartney's short diary entry on the subject, on the other hand, gives a precise description of those present: "21st March. Mr. A.O. Hobbs, whose coffin arrived yesterday from Kucha, was buried to-day in the British Consulate Cemetery, the Church of England Burial Service having been read by me, and Mr. Niustrom, missionary, at the grave side, Mr. Sokov and his Secretary, Mr. Walther, Mr. Tashibana and several Swedes were present."¹⁵

These few people at the time represented practically the entire European population of Kashgar. The cemetery was out-

¹⁰ Британское консульство, Кашгар. Запись за март 1911 г. (L/P&S/7/248/894).

¹¹ Пограничный журнал за март 1911 г. (L/P&S/7/248/730).

¹² По сведениям Макартни, Татибана прибыл в Кашгар 19 марта из «Кучи, по пути в Хотан» (Британское консульство, Кашгар). Выдержка из последних докладов, полученных в течение марта 1911 г. (L/P&S/7/248/894).

¹³ Эноки Кадзуо, *Указ. соч.*

¹⁴ 橘瑞超 Татибана Дзуйтё. 中亜探検 Тёа танкен (Исследования Центральной Азии). Токио, 1912.

¹⁵ Британское консульство, Кашгар. Дневник за март 1911 г., р. 3 (L/P&S/7/248/894).

¹⁰ "British Consulate, Kashgar, Diary for the month of March 1911," L/P&S/7/248/894.

¹¹ "Trans-Frontier Journal for March 1911," L/P&S/7/248/730.

¹² According to Macartney, Tachibana arrived in Kashgar on 19 March "from Kucha, en route to Khotan." (British Consulate, Kashgar. Abstract of News Reports received during the month of March 1911, L/P&S/7/248/894.)

¹³ Enoki Kazuo. *Op. cit.*

¹⁴ 橘瑞超 Tachibana Zuicho. 中亜探検 Chūa tanken (*Exploration of Central Asia*). Tokyo, 1912.

¹⁵ "British Consulate, Kashgar, Diary of the month of March 1911," L/P&S/7/248/894, p. 3.

В то время эти несколько лиц составляли почти все европейское население Кашгара. Кладбище находилось за северными воротами города. После похорон Татибана начислил зарплату Хоббсу и отправил ее вместе с его личными вещами «семье в Уэльс». Затем он установил надгробие стоимостью в сто русских рублей¹⁶. Тогда же Татибана получил телеграмму из Японии о том, что умерла Кадзуко, жена Отани. Потрясенный потерей двух очень близких людей, Татибана впал в депрессию, продлившуюся несколько месяцев.

Кадзуко умерла 27 января 1911 г. В это время Отани был чрезвычайно занят, так как приготовления к торжествам по случаю 650-й годовщины смерти Синрана, первого патриарха школы Дзёдо синсю, были в самом разгаре. Мероприятия получили общественный резонанс и продолжались несколько недель, в течение которых около двух миллионов его последователей со всей Японии посетили главный храм школы в Киото. Приготовления начались сразу же после того, как Отани и Кадзуко вернулись в Японию из Лондона, где с ними также был и Татибана. Кадзуко заболела 20 января во время приготовления к торжествам, а спустя неделю умерла; ей был всего лишь 31 год¹⁷.

Татибана оказался один на один со своим горем в удаленном месте, что, без сомнения, нанесло молодому человеку серьезную душевную травму. Но его несчастья только начались. Пробыв три недели в Кашгаре, 7 апреля он отправился по южной дороге в бассейне Тарима и в течение двух месяцев вел раскопки близ Хотана. Затем из Керии он пытался через хребет Куньлунь проехать в Тибет, но в пути все верблюды его каравана пали, нанятые люди разбежались, даже стеклянные негативы сделанных им фотографий оказались засвечены. Целый месяц он потратил впустую и вынужден был возвращаться по своим же следам в Керию. Затем его ограбили и, в довершение всех несчастий, на постоялом дворе его жестоко избил китаец. Местные власти закрыли глаза на эти инциденты и заявили, что они находятся вне пределов их юрисдикции. Без сомнения, главной причиной его проблем с китайскими властями было то, что, согласно ноте, направленной в японское посольство в Пекине, Татибана в то время не выправил себе надлежащим образом паспорт и, следовательно, путешествовал в регио-

side the northern gates of the city. After the funeral, Tachibana disbursed Hobbs's salary and mailed it along with his personal belongings to 'his family in Wales.' Then he erected a tombstone at the expense of 100 Russian rubles.¹⁶ This was when Tachibana received a telegram from Japan informing him that Otani's wife Kazuko had passed away. Struck by the loss of two people very close to him, Tachibana sunk into a dark mood which lasted several months.

Kazuko died on 27 January 1911. This was an extremely busy time for Otani and his temple because they were amidst the preparations for celebrating the 650th anniversary of the death of Shinran, the founding saint of the Jodo Shinshu sect. The celebration was a public event that lasted for weeks and during which an estimated 2 million followers from all over Japan visited the sect's main temple in Kyoto. Arrangements began immediately after Otani and Kazuko arrived back in Japan from their visit to London, where Tachibana was also with them. Kazuko fell ill on 20 January during the busy preparations and died a week later aged only 31¹⁷.

Tachibana had to deal with his grief alone in a remote place and this was undoubtedly a serious trauma for the young man. His bad luck, however, had only begun. After three weeks in Kashgar, he left on 7 April along the southern route of the Tarim Basin and spent two months excavating in the vicinity of Khotan. Then from Keriya he wanted to cross the Kunlun range to the Tibetan plateau but midway all of the camels in his caravan perished, his men deserted him and even the glass negatives of his newly-taken photographs shattered. He wasted an entire month in vain and had to retrace his tracks back to Keriya. He was then robbed and, on yet another occasion, severely beaten by a Chinese guest in his hotel; the Chinese authorities turned a blind eye to the incidents and claimed it was outside their jurisdiction. Undoubtedly, a major part of the problem was that by this time Tachibana, according to a complaint sent to the Japanese embassy in Beijing, would not display his pass-

¹⁶ Свои действия относительно зарплаты Хоббса, его личных вещей и надгробия были описаны Татибаной в письме Ватанабэ Тэссину от 10 июля 1912 г. (Цит. по: 金子民雄 Канэко Тамиио, 西域 - 探検の世紀 Сэйики: Танкэн но сэйки (Западный край — век экспедиций). Токио, 2002. С. 174–175.

¹⁷ Можно предположить, что это было трудное время для Отани, так как месяц спустя в письме к Свену Гедину о путешествии Татибаны в Турфан и пустыню Лоб он также сообщил о смерти своей жены и о чувстве глубокого одиночества, охватившем его. Это письмо от 27 февраля 1917 г., воспроизведено в послесловии Канэко Тамиио к изданию книги Татибаны в 1989 г. (橘瑞超 Татибана Дзуйтё. 中亜探検 Тёа танкен (Исследования Центральной Азии). Токио. 1989. С. 268).

¹⁶ Tachibana's arrangements with regard to Hobbs's salary, personal items and grave stone were described by him in a letter to Watanabe Tesshin, dated 10 July 1912. (Cited in 金子民雄 Kaneko Tamio. 西域 - 探検の世紀 *Saiiki: Tanken no seiki (Western Regions — a Century of Exploration)*, Tokyo, 2002, pp. 174–175).

¹⁷ Admittedly, this was a difficult time for Otani and a month later, in a letter which he wrote to Sven Hedin about Tachibana's trip to Turfan and the Lop desert, he also brought up his wife's death and that he was feeling very lonely. This letter, dated 27 February 1917, is reproduced in Kaneko Tamio's postscript to the 1989 edition of Tachibana's book (橘瑞超 Tachibana Zuicho. 中亜探検 *Chūa tanken (Exploration of Central Asia)*. Tokyo, 1989, p. 268).

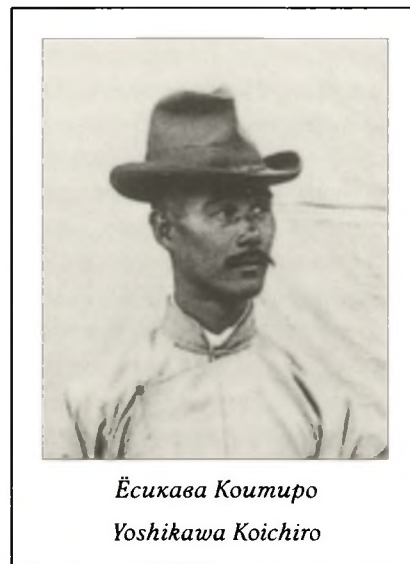
не, к которому проявлялся повышенный политический интерес, без соответствующего разрешения¹⁸. После всего этого все связи с Татибаной оборвались и, когда он не появился в августе в Дуньхуане, где его должен был встретить Ёсикава Коитиро, Отани объявил его официальный розыск. Тем временем разразилась Синьхайская революция, и поиски потрепанного японского путешественника отошли на второй план.

Наконец, 26 января Татибана добрался до Дуньхуана. Здесь он присоединился к Ёсикаве, который прибыл, чтобы сменить его в этой экспедиции. Проведя чуть больше недели в Могаоку, где они приобрели рукописи у Ван Юань-лу, они отправились в Турфан для дальнейших раскопок. В конце концов, Татибана пересек северную границу Китая и направился в Японию по Транссибирской железной дороге. Он вез с собой рукописи, приобретенные обоими путешественниками, включая и те, которые они купили в Дуньхуане. Ёсикава остался в Китае и продолжал исследования еще в течение двух лет, вернувшись в Японию в июле 1914 г.

Во время экспедиции в Восточном Туркестане, через год после того, как уехал Татибана, Ёсикава проходил через Кашгар, где посетил могилу Хоббса. В его дневнике есть следующая запись: «8 июля (1913 г.). Среда. Теплый северный ветер, небо чистое. [Встал] в 7 часов 30 минут утра. 72°. Преподнес две бутылки фруктового вина в местном *ямьне*, затем посетил начальника уезда. Он оказался человеком из Гуанси и, следовательно, очень болтливый. Бывал в Корее и хорошо знает эту страну. В конце концов я извинился и ушел, по дороге заглянул на почту и вернулся домой в 14 часов. В 15 часов я пошел отдать дань уважения покойному Хоббсу, могила которого находилась за северными воротами, и сфотографировал ее. Он был любимым помощником Татибаны, и как жаль, что его кости были погребены в таком заброшенном месте! Человек никогда не знает, что ждет его завтра!»¹⁹.

Упомянутая фотография позднее была опубликована вместе с дневником Ёсикавы, но, к сожалению, изображение недостаточно четкое, чтобы можно было прочесть имя на небольшом кирпичном памятнике, возведенном над могилой. Где сейчас находится сама могила, установить невозможно.

Вот и все, что нам удалось узнать о Хоббсе. В кратких отчетах Макартни нет даже намека на то, что он мог иметь какие бы то ни было подозрения относительно деятельности японской экспедиции в Синьцзяне. Для Макартни март

порт and thus was travelling in politically sensitive regions without a proper permit.¹⁸ After this, all communication with Tachibana was lost and when he did not show up in Dunhuang by August, where he was to meet Yoshikawa Koichiro, Otani initiated a search through official channels. Meanwhile the Chinese revolution broke out and the search for a lost Japanese traveller was far from being the top priority for the local authorities.

Tachibana eventually arrived in Dunhuang by himself on 26 January. Here he joined with Yoshikawa who had come to replace him on this expedition. After spending a week or so at the Mogao caves buying manuscripts from Wang Yuan-lu, they proceeded to Turfan for further excavations. Tachibana eventually left China in a northern direction and returned home via the Trans-Siberian Railway carrying with him the manuscripts the two of them had acquired so far, including the ones purchased at Dunhuang. Yoshikawa stayed behind and continued the expedition for another two years, returning to Japan in July 1914.

In the course of his exploration in Xinjiang, a year after Tachibana's departure Yoshikawa passed through Kashgar and here he also visited Hobbs's grave. His diary includes the following entry: "8 July (1913). Wednesday. Warm north wind, clear sky. [Got up at] 7:30 AM. 72°. Presented two bottles of fruit wine to the County Yamen, then visited the County Magistrate. He is a man from Guangxi and thus a great talker. Used to be in Korea and knows that land very well. Finally I excused myself, dropped by the post office and returned home at 2 PM.

¹⁸ Это официальное донесение процитировано в книге Канэко Тамиио (Канэко Тамиио. *Сэйики: Танкэн но сэйки*, Токио, 2002. С. 181). Жалоба была получена японским послом 26 августа и послана далее в секретной телеграмме Комура Дзютаро японскому министру иностранных дел.

¹⁹ 上原芳太郎 Уэхара Ёситаро, ed. *新西域記* Син Сэйики ки (Новые записки о Западном крае). Токио, 1937. С. 667.

¹⁸ This official communication is cited in: Kaneko Tamio. *Saiiki: Tanken no seiki*, Tokyo, 2002, p. 181. This complaint was received by the Japanese Ambassador on 26 August and was forwarded in a secret telegram to Komura Jutarō, Japan's Foreign Minister.

1911 г. был очень напряженным периодом, так как он был назначен генеральным консулом и налаживание отношений с русскими и китайскими властями поглотило его целиком. Действительно, он узнал о присутствии в стране Татибаны и Хоббса спустя четыре месяца после их появления, когда в середине января получил мольбу о помощи от заболевшего Хоббса. Его полное безразличие к путешественникам находится, конечно, в полном контрасте с отчетами капитана Шаттлворта, который еще двумя годами раньше постоянно держал Татибану и Номуру в поле своего зрения.

Капитан Шаттлорт был исполняющим обязанности консула в Кашгаре в 1908—1909 гг., когда Дж. Макартни находился в отпуске в Великобритании. В течение этого времени он пристально наблюдал за деятельностью Татибаны и Номуры и даже несколько раз встречался с ними лично. Несмотря на изначально возникшую симпатию к этим путешественникам, с течением времени он пришел к заключению, что они оба были агентами разведки, для которых археология служила всего лишь прикрытием. Конкретных доказательств так и не нашлось, но даже подозрения принесли значительный ущерб экспедиции. Помимо возрастающего пристального внимания к двум японским исследователям главным ударом было то, что после того как они отправились в Индию, Номуре отказали в обратном въезде в Китай через Лех, и поэтому он не смог забрать часть археологических находок, которые они оставили в Кашгаре.

Осенью 1909 г. Татибана и Номура закончили свою экспедицию, пройдя через перевал Каракорум в Шринагар, где они встретились с Отани. Однако когда японский консул в Калькутте обратился от имени Номуры за разрешением вернуться в Кашгар, ему ответили, что «правительство Индии сожалеет, что не может дать господину Эйзабуро Номуре разрешение вновь пересечь границу Британской империи через Лех и Каракорум»²⁰. Хотя отказ и был вежливым, но он был прямым следствием донесений Шаттлворта об их пребывании в Кашгаре. Действительно, из внутренней корреспонденции британской стороны видно, что японский путешественник теперь считался «нежелательным гостем».

Отани, без сомнения, знал о подозрениях, окружавших его исследования, и решил избежать осложнений. Его поездка в Англию, где он участвовал в японско-британской выставке, было одним из действий, направленных на то, чтобы продемонстрировать его дружеское и явно не политизированное отношение к Британии. Огромное значение имело признание академического статуса его экспедиций: Татибана и Ватанабэ были избраны членами Королевского

At 3 PM I went to pay respect to the late Hobbs's grave outside the northern gates, and took a photograph of it. He was Tachibana's beloved assistant, what a shame that his bones had to be buried in such a desolate place! A man never knows what awaits him tomorrow!"¹⁹

This photograph was later published together with Yoshikawa's diary but unfortunately the image is not clear enough to be able to see the name on the little brick monument erected over it. The grave itself can no longer be located today.

The above sums up the information I have been able to gather about Hobbs. It is clear that Macartney's terse reports on him and Tachibana did not imply that he had any reasons to be suspicious of their activities in Xinjiang. For Macartney, March was a busy time because of his promotion to the position of Consul-General and he was heavily involved in redefining his relationship with the Russian and Chinese authorities. Indeed, he only learnt about the presence of Tachibana and Hobbs in the country some four months after their arrival, when he received in mid January a plea for help from the ailing Hobbs. His genial indifference to them is, of course, in sharp contrast with the reports filed by Captain Shuttleworth who kept Tachibana and Nomura under constant surveillance two years earlier.

Captain Shuttleworth served as acting Consul in Kashgar in 1908—09 while George Macartney was on leave in Britain. During this period he closely followed the activities of Tachibana and Nomura, several times meeting with them in person. Despite his initial sympathy with the travellers, with time he became convinced that the two were intelligence agents, who only used archaeology as a means of disguise. Without actual evidence his suspicions could not be substantiated but even as such they were extremely damaging for the expeditions. Apart from the increased surveillance of the two Japanese explorers, a concrete drawback was that after their crossing into India, Nomura was denied re-entry into China through Leh and thus could not access part of the archaeological spoils they had left behind in Kashgar.

In the autumn of 1909, Tachibana and Nomura finished their expedition by crossing the Karakorum Pass to Srinagar and meeting there with Otani. However, when the Japanese Consul at Calcutta applied on Nomura's behalf for a permit to return to Kashgar, he was notified that "the Government of India regret to say that they are unable to grant Mr. Yeizaburo Nomura permission to recross the British frontier via Leh and the Karakorum Pass."²⁰ Although this was a politely put verdict, it was a direct consequence of Shuttleworth's reports on them while they were still in Kashgar. In fact, the internal correspon-

²⁰ Письмо Т. Хирате, исполняющему обязанности генерального консула Японии (Калькутта), от Е.Х.С. Кларке, заместителя секретаря правительства Индии в отделе иностранных дел (L/P&S/IO/55/240, No 36).

¹⁹ 上原芳太郎 Uehara Yoshitarō, ed. 新西域記 Shin Sei-iki ki (*New Records on Western Regions*), Tokyo, 1937, p. 667.

²⁰ Letter to T. Hirata, Esq., Acting Consul General for Japan (Calcutta) from E. H. S. Clarke, Deputy Secretary to the Government of India in the Foreign Department, L/P&S/IO/55/240, No 36.

Географического общества, что подтвердило их статус ученых в глазах всего мира.

Это не дает оснований предполагать, что Отани пытался скрыть что-либо от британских властей. Наоборот, он пытался продемонстрировать как можно шире свои истинные намерения. Однако, как и в случае с отказом в просьбе Номуры вернуться через Китай, недоверие к членам экспедиции создавало конкретные препятствия, которые надо было преодолевать в реальной жизни.

В апреле 1910 г. «The Geographical Journal» опубликовал краткий отчет о новой экспедиции Татибаны «Японская экспедиция в Китайский Туркестан и Монголию»²¹. Любопытна первая часть статьи, где говорится о трех участниках предстоящей экспедиции, а именно о Татибанае, Хасирамото и Аоки: «Молодой японский путешественник господин Дзуйтё Татибана, который недавно совершил интересное путешествие с археологической целью по северным районам Китайской империи, сообщил нам, что он готов отправиться в новую экспедицию в тот же регион и снова под эгидой и при финансовой поддержке графа Кодзуи Отани. Археологический материал предыдущей экспедиции остался в Кашгаре, так как индийское правительство не дало им разрешения пересечь Каракорум. Господин Хасирамото, который присоединится к экспедиции как натуралист, должен, следовательно, прибыть из Пекина в Кашгар через Гуа-хуа-чэн и Гучэн для того, чтобы получить сданный на хранение материал, а на обратном пути в Хами встретиться с руководителем экспедиции, который надеялся попасть в Центральную Азию со стороны России. В Гучэни и Турфане систематические раскопки будут производиться господином Б. Аоки, а начальник тем временем совершит путешествие в Сачу по дороге, известной как главная дорога во времена династий Хань и Янь (sic)...»

Приведенные выше сведения, возможно, были получены журналом в конце января 1910 г., когда Номуре уже отказали в его просьбе, и Отани решил вернуться в Китай другим путем. Для большей предосторожности он решил не отсылать Номуру, справедливо полагая, что проблемы частично происходят из-за него. Однако позднее он должен был понять, что недоверие со стороны Великобритании вызывал не столько лично Номура, сколько японское присутствие в этом регионе вообще. В течение месяцев, проведенных в Лондоне, возможно, после того, как он узнал некоторые подробности, лежащие в основе их трудностей в отношениях с индийским правительством, Отани изменил свой первоначальный план и решил свести к минимуму «японский характер предприятия», «разбавив» ее состав англичанином и русским.

dence on the British side reveals that the Japanese traveller was now considered an 'undesirable visitor.'

Otani was no doubt well aware of the suspicions surrounding his explorations and he was determined to avoid further complications. His trip to England where he participated in the Japan-British Exhibition was one of a number of activities intended to show a friendly and markedly non-political face towards Britain. Of major importance was the academic promotion of the expeditions, in the course of which Tachibana and Watanabe were elected as members of the Royal Geographical Society, confirming their status as scientific explorers in the eyes of the world.

This is not to suggest that Otani was trying to cover up or hide something from the British authorities. On the contrary, he was trying to expose his true motives as much as possible. However, as the case of Nomura's application to return to China shows, the mistrust towards expedition members was creating concrete obstacles that had to be dealt with on a practical level.

In April 1910, *The Geographical Journal* published a short report of Tachibana's new expedition under the title "Japanese Expedition to Chinese Turkestan and Mongolia."²¹ The first half of the report is interesting because it names three participants for the upcoming expedition, namely Tachibana, Hashiramoto and Aoki: "The young Japanese traveller, Mr. Zuicho Tachibana, who lately carried out an interesting journey of archaeological research through the northern parts of the Chinese empire, informs us that he is about to start on a new expedition to the same region, again under the auspices and at the expense of Count Kozui Otani. The archaeological spoils of the former expedition were left at Kashgar, as permission to cross the Karakorum pass could not be obtained from the Indian Government. Mr. Hashiramoto, who will join the new expedition as naturalist, will therefore proceed from Beijing to Kashgar via Kwa-hua-cheng and Gucheng in order to fetch the collections, and on his return will be met by the leader (who hopes to enter Central Asia from the Russian side) at Hami. At Guchen and Turfan systematic excavations will be carried on by Mr. B. Aoki, the leader meanwhile making a trip to Sachu by the route used as a highway during the Han and Yan (sic) dynasties..."

The above information must have been received by the journal after the end of January 1910 when Nomura's application was already rejected and Otani decided to re-enter China by a different route. As an added precaution, he chose not to send Nomura back, obviously thinking that he was part of the problem. However, he must have realized later on that the British

²¹ *The Geographical Journal*. April 1910. Vol. 35, No 4, pp. 448–449.

²¹ *The Geographical Journal*. April 1910. Vol. 35, No 4, pp. 448–449.

Но сотрудничество с иностранными исследователями и учеными создало бы целый ряд новых проблем, из которых не последней была нехватка времени для организации настоящей интернациональной экспедиции. В этом случае Отани также вынужден был бы ослабить контроль за ходом работ, не говоря уже о том, что впоследствии встал бы вопрос о разделе материала, полученного при раскопках. Следовательно, в то время самым лучшим решением было нанять молодого англичанина. Находясь в Санкт-Петербурге, Татибана был вынужден нанять еще одного «участника экспедиции», русского, создавая таким образом отряд, членами которого были люди из трех разных стран. Вероятно, не случайно они не были, скажем, немцем или датчанином, а именно русским и англичанином, то есть являлись представителями двух держав, которые имели своих представителей на территории Синьцзяна в то время.

Но сам Татибана был тоже слишком молод, чтобы иметь сколько-нибудь значительную подготовку в археологии. Хотя к этому времени он уже провел два года в экспедициях и раскопках в Восточном Туркестане, с профессиональной точки зрения он не был лучшей кандидатурой для выполнения такой задачи. Его часто критиковали как за неудовлетворительное документирование находок, так и за разрушения, которым он подвергал исследуемые городища²². Отани, должно быть, знал, чем он рискует, направляя Татибану, и, тем не менее, он выбрал его для второй и третьей экспедиций. Конечно же, важные научные результаты предыдущего путешествия серьезно свидетельствовали в пользу молодого исследователя.

На этот раз экспедиция не испытывала никаких препятствий со стороны русских и британских властей. Основной причиной такой лояльности со стороны Великобритании было то, что Макартни к тому времени вернулся из отпуска в Кашгар и что у него было больше опыта в наблюдении за научными экспедициями, посещавшими регион, чем у капитана Шаттлворта. Кроме того, общественная кампания, проведенная Отани во время пребывания в Лондоне, сыграла важную роль в том, что деятельность Татибаны и археологические находки его первого путешествия стали известны широкой публике. В течение первой половины 1910 г. достижения молодого японского ученого были признаны такими ведущими учеными и археологами, как Росс, Лекок, Стейн и Гедин.

Научная репутация Татибаны, безусловно, повлияла на отношение к нему индийского правительства, в документах

mistrust was directed not so much against Nomura personally but Japanese presence in the area in general. During the months he spent in London, perhaps after learning some of the details regarding the causes behind their difficulties with the Indian Government, Otani changed his initial plan and decided to minimize its “Japaneseness” by diluting it with English and Russian participants.

But cooperating with foreign explorers and scholars would have created an array of new problems, not the least of which would have been the added time required for organizing a genuine international expedition. Also, Otani would have had to relinquish some control of the operations, not to mention the division of the final spoils of the excavations. Therefore, at the time it probably seemed that the best and most efficient solution was to advertise for a young Englishman. Once in St. Petersburg, Tachibana was to hire yet another “participant” in the person of a Russian boy, thus creating a team that had members from three different countries. It was probably not a coincidence that these members were not, say, German or Danish, but Russian and British, thus representing the two powers who had representatives on the territory of Xinjiang at the time.

To be sure, Tachibana himself was too young to have undergone any substantial archaeological training. Although by this time he had already spent two years travelling and excavating in Xinjiang, he was probably still not the best choice for the task professionally. Indeed, in later years he was often criticized for both the poor documentation of his finds and the damage afflicted to the sites.²² Otani must have been aware of such risks with regard to Tachibana, yet he chose him for both the second and third expeditions. Of course, the important scientific results of the previous trip spoke strongly in favor of the young explorer.

This time the expedition did not experience any difficulties with the Russian or British authorities. One of the main reasons for this from the British side was that by that time Macartney was back in Kashgar following his leave and he has had much more experience with scientific expeditions passing through the region than Captain Shuttleworth. Beside this, the publicity campaign orchestrated by Otani during their stay in London also played an important role in making Tachibana and the archaeological material of his previous trip known to the general public. During the first half of 1910, the achievements of the young Japanese explorer were widely acknowledged by leading scholars and archaeologists, including Ross, Le Coq, Stein, and Hedin.

²² А. Стейн неоднократно отзывался критически о посещении Татибаной Мирана. Так, например, в журнале «Innermost Asia» (Oxford, 1928, pp. 171–172) он писал о разрушениях, причиненных Татибаной настенным росписям в Миране, которые он оставил на месте раскопок из-за того, что они оказались слишком хрупкими для перевозки.

²² Stein wrote critically more than once about Tachibana's visit to Miran. In *Innermost Asia* (Oxford, 1928, pp. 171–172), for example, he refers to damage caused by Tachibana to those Miran wall paintings he had left in situ as too delicate to attempt to move.

которого по поводу Татибаны и его деятельности в 1909 г. хранится вырезка из статьи о его исследованиях, опубликованная в «The Times»²³. В этой статье корреспондент из Калькутты очень лестно написал об экспедиции, вероятно, пролив свет на некоторые стороны ее деятельности, которые ранее казались подозрительными. Соответственно, когда секретная корреспонденция о двух японских исследователях была собрана, 8 февраля 1910 г. помощник секретаря сделал следующую пометку на папке с делом: «Смотри выдержку из “The Times” от 3 февраля, приклеенную на обороте листа описи 1582, по поводу другого объяснения деятельности господина Татибаны. Есть все основания полагать, что этот человек действительно занимался археологией и только в свободное время собирает информацию для своего правительства»²⁴.

Учитывая довольно-таки большое количество документов о возможной шпионской деятельности Татибаны, это замечание является как бы признанием того, что и доклады разведки, и выводы о нем были ошибочными. В результате во время своего нового путешествия 1910—1912 гг. Татибана был вне подозрений и не встречал никаких препятствий со стороны британских властей в Восточном Туркестане.

Tachibana's academic reputation certainly influenced the staff of the Indian Government, whose files on Tachibana's suspicious activities in 1909 include a cutout of the article on his exploration published in *The Times*.²³ In this report a correspondent from Calcutta describes the expedition in very flattering terms, perhaps shedding light on several activities that had been suspicious earlier. Accordingly, when the secret correspondence on the two Japanese explorers was filed on February 8, 1910 the Under Secretary added the following note on the cover of the file: See extract from “Times” of 3 Febr[uary], pasted on back of docket paper 1582 below for another version of Mr. Tachibana's activities. It is not unreasonable to suppose that this man's business was archaeological, and that in his leisure moments he collected what information he could for his government.²⁴

Considering the relatively large amount of documentation discussing Tachibana's likely involvement in espionage, this comment is almost equal to admitting that the intelligence reports and the conclusions about him had been mistaken all along. As a result, on his new trip Tachibana was not under suspicion and experienced no difficulties with British authorities in Xinjiang.

²³ Exploration in Chinese Turkestan. In *The Times*. February 3, 1910.

²⁴ L/P&S/IO/55/240.

²³ “Exploration in Chinese Turkestan”. In *The Times*. February 3, 1910.

²⁴ L/P&S/IO/55/240.